

Г. ПЕТРОВСКИЙ,
старый большевик

ПУЛКОВО 30 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Бой под Пулковом (деревня Александровка) — лишь мелкое звено в цепи октябрьских событий, но поразительное по своей мощи, по своему порыву, по своему пролетарскому энтузиазму. Вспоминается Кронштадт в двадцатых числах октября, весь собравшийся, чутко внимательный, насторожившийся... притаившаяся жизнь в казармах, кораблях, частях; лишь ждали сигнала, и вот раздался призыв:

«Телефонограмма

Всем судам, частям и комендантам

Предписание

Исполнительный комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов предписывает гарнизону выступить в полном боевом снаряжении в Петроград для защиты Революционного Комитета при Петроградском Совете, согласно полученного от него приказа.

Суда, части, отряды, команды, начальники их при получении детального предписания от военно-технической комиссии обязаны немедленно приводить их в исполнение.

Председатель Исполнительного комитета Совета
Рабочих и Солдатских Депутатов г. Кронштадта
Председатель Военно-Технической комис.»

В ночь все были готовы.

Пестрой вереницей промелькнули: занятие Ораниенбаума, разоружение и сдача бывшей офицерской стрелковой школы, прибытие в Петроград, занятие Балтийского вокзала, выступление юнкеров, множество жутких личных переживаний и наконец — Пулково.

Длинной вереницей тянулись повозки с жалким скарбом крестьян-беженцев, покидавших свои деревни из боязни артиллерийского огня; и в самом деле, в трех-четырёх местах видны были начавшиеся пожары. Спешили озабоченным шагом отдельные красногвардейцы, солдаты, матросы.

Непрерывно мелькали быстро снующие автомобили, мигом образовались санитарные, питательные пункты, организовались и достаточно полно функционировали служба связи и штаб «Участка обороны Пулково—Александровская». Правда, недочетов было много, ошибок еще более, но энтузиазм и вера в правоту дела всё окупали и привели к конечной победе пролетариата. Артиллерии с нашей стороны было не так уж много в деле 30 октября: 8 орудий, трехдюймовая полевая пушка с кронштадтскими артиллеристами и матросами и две гаубицы 1-го тяжелого мортирного берегового дивизиона. Правда, по дороге на Пулковские высоты, проезжая со своими орудиями на автомобилях, мы заметили батарею бывшего Константиновского артиллерийского училища в конном строю и еще какую-то артиллерийскую часть, но их участие в бою не было заметно. Орудия были расположены по обеим сторонам Пулковской обсерватории.

Это был наилучший господствующий пункт местности, дававший удобную защиту, спокойный подвоз снарядов и могущий, в случае нужды, превратиться в прекрасный опорный пункт.

Как ни грустно было подвергать риску разрушения от огня здания обсерватории, но война имеет свои неумолимые законы, и, скрепя сердце, пришлось расположить здесь нашу артиллерию.

Штаб Керенского прекрасно учел выгодность нашей позиции и послал по ветке бывшей Царскосельской железной дороги бронированный поезд, который, неожиданно появившись в нашем тылу, открыл огонь, но не столько причинил бед, сколько раздосадовал за помеху,

которую можно было с некоторой затратой времени с ловкостью убрать. И убрали...

Видя бесплодность огня бронепоезда, неприятель пустил в конную атаку казаков. Было видно сперва в бинокль, а потом и простым глазом, как тонкими, быстро текущими струйками расплылась темносиняя масса в промежутке деревень: Соболево, Мыкалло и Виттолово, и быстро-быстро неслась по направлению к Пулкову.

Мы выкатывали орудия для действия прямой наводкой. Несколько минут ожесточенного беглого огня и... масса исчезает, тает, быстрыми силуэтами мечутся обезумевшие без всадников кони.

Спустя час — вторая атака, с тем же результатом. Потом третья... Около 60—70 казачьих лошадей, вздрагивающих, в мыле, было задержано на батарее. Это были наши трофеи.

Медленно садилось яркокрасное солнце. Воздух был по-осеннему ясен, бодр и прозрачен, и окраска неба по своей нервности не уступала состоянию людей. Нервничали, но как-то радостно и уверенно. Оглянулся назад. Всё новые и новые массы вооруженных людей подходят к нам. Канонада стихает. В шесть часов вечера прекращаем огонь.

Избушка крестьянина набивается людьми. Душно, жарко и тихо. Почему-то молчат все, лишь один семидесятилетний дед, лежащий на печи, спрашивает: «Так это кто же большевики-то будут: опять, значит, большевики?».

Объясняем ему. Дед долго кряхтит, видимо в чем-то сомневаясь, потом укладывается спать. Дремлем, сидя, и мы... Рано утром по-братски делимся банкой консервов с Раскольниковым и отправляемся в штаб разузнать новости. Там узнаем, что Царское Село и Павловск уже очищены казаками и для занятия их мы и должны выступить опять автомобильным порядком в восемь часов утра.

Было ясное морозное утро, и лица всех людей поражали своей бодрой энергией. Вот, наконец, и Царское Село. Везде шум, оживление, лишь у ворот робко жмутся и выглядывают испуганные обыватели.

31 октября прошло в приготовлении позиции для обороны Царского Села. Кронштадтцы имели своим пешотным прикрытием 2-й Царкосельский стрелковый полк, в казармах которого мы нашли и приют и пищу.

Почти сразу же от места казарм дорога разделялась на два шоссе: одно — на Красное Село, другое — на Гатчину.

Сведения о местопребывании Керенского с войсками были самые разнообразные: одни говорили, что, отступив от Царского, он направился со своим отрядом в Гатчину, другие уверяли — в Красное Село, а третьи (большей частью крестьяне) — куда-то на Неву к Ижоре. Как бы то ни было, необходимо было охранять подступы обоих шоссе. Позиции были намечены на линии деревень Баболово и Перелесино.

Левее от наших позиций стоял Финляндский полк, правее — Московский. Начальником штаба войск, действовавших против отряда Керенского, был командир 2-го Царскосельского стрелкового полка полковник Вальден, человек лет тридцати, с оторванной на фронте ногой, любимый и уважаемый солдатами.

День 1 ноября прошел тревожно, газет не было, и слухи один другого фантастичнее волнами перекатывались по городу. Прошел чисто провокационный слух о внезапно появившихся казаках в Петрограде, разогнавших Петроградский Совет и обезоруживших революционный гарнизон в Петрограде.

Часов в одиннадцать вечера нас, представителей кронштадтцев, вытребовали в Царскосельский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Лишь выйдя на улицу, мы увидели черный автомобиль, пробирающийся среди ухабов дороги. Мы окликнули его и, узнав, что нам по пути, попросили довезти нас. Шофёр согласился.

— Знаете новости? — спросил он.

Мы ответили:

— Не знаем.

— Я отвезил тов. Дыбенку в Гатчину к Керенскому для переговоров. Керенский бежал, казаки разоружаются.

Известия были ошеломляющие. Мы не поверили. Войдя в здание Совета, мы увидели почти всех командиров частей войск, вышедших из Петрограда, представителей Военно-революционного комитета, делегатов из полковых комитетов, председателя Царскосельского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и видных представителей фракции большевиков. Председателем единогласно был выбран тов. Вальден. Мы обратились к нему

за разъяснениями. Собрание было вызвано необходимостью выработки общего плана наступления на Керенского для нанесения ему последнего удара.

— Как, разве с ним не покончено?

— Это неизвестно. От тов. Дыбенко не получено еще никаких сведений.

Тогда пришлось рассказать собранию о только что слышанном от шофёра.

— Каков был автомобиль?

Мы отвечали:

— Черного цвета, санитарный, с большим красным крестом в белом кругу.

Приметы совпадали с автомобилем, на котором уехал тов. Дыбенко.

Так или иначе, но решено было открыть совещание. Сразу же наметилось два течения: одно, во главе с Дзевалтовским, Медведевым, членом Военно-революционного комитета, предлагало выделить особый отряд для дальнейшей борьбы, а главные силы оставить в виде опоры Петрограда в главной базе — Царском Селе. Другая же группа, с Рошалем, Раскольниковым, Арутюнянцем и большинством делегатов полковых комитетов, настаивала на немедленном продолжении операции всеми имеющимися в наличности силами. Слово берет Дзевалтовский:

— Мне кажется, что при создавшейся обстановке борьбы, когда в Петрограде выступление юнкеров показало наличие элементов, противодействующих Советам, было бы несколько непредусмотрительно обнажать фронт Петрограда и, с другой стороны, оставлять самый город в рискованном положении. В нашем распоряжении девять пехотных полков, легкая артиллерия, саперный батальон, автомобильные команды, две роты самокатчиков и 9-й запасный кавалерийский полк. Выделив половину и бросив на Керенского, мы будем спокойны за Петроград. Подступы к нему будут закрыты оставшейся половиной войск.

Далее Дзевалтовский разбирает план наступления с тактической точки зрения. С возражением ему выступает тов. Рошаль, в спокойных, уверенных тонах доказывающий необходимость дальнейшего наступления на Гатчину, дабы, не дав врагу собраться с силами, окончательно, одним последним, всеокрушающим ударом

слоमितь и опрокинуть уже моральнс подавленные части Керенского.

Невозможность осуществления его предложения с чисто военной точки зрения долго и пространно доказывается каким-то капитаном бывшего Генерального штаба. За ним следуют еще и еще голоса спецов и возражения с другой стороны, развивающей мысль о немедленном наступлении.

Вдруг разом вспыхнувший и заволновавшийся какой-то пожилой солдат — член одного из полковых комитетов — решает дело, громким голосом выкликнув фразу: «Раз бешеная собака повалена, то и добивать нужно скорей, а то руки искусают, так и не справиться!».

Этот взволнованный голос пробуждает во всех энергию и одну мысль: «Вперед, до полной победы!».

Начинается детальная разработка плана операции. Пишутся приказы, намечаются позиции, опорные пункты, время и порядок выступления и т. д. Между тем уже четыре часа утра.

Какой-то стук у двери и шум заставляют всех обернуться. В дверях стоит юный солдат в форме рядового самокатной роты; задыхаясь, но спокойным голосом он говорит:

— Я пришел из Гатчины с донесением от тов. Дыбенко. Керенский бежал, казаки сдались и разоружаются. Вот письменное донесение.

На несколько секунд воцаряется мертвое молчание. И если в молчании одних ясно читались скрытый страх, непонимание, растерянность, то молчание других было полно безумным упованием и твердой верой.

Все очнулись, и громкий клик приветствий заставил пробудиться весь заснувший было дом.

Свершилось!

